

52 ПРОЗА

Андрей
НОВИКОВ

г. Лупецк

ОБЕЩАЯ НОВУЮ ЖИЗНЬ

рассказы

Журавль у дороги

Огромного деревянного журавля на въезде в деревню бывший председатель колхоза «Светлый путь» Тимофей Ильич мастерил целый год. Птица получилась строгих пропорций, ладно и просто скроенной по исполнению и замыслу, высотой с трёхэтажный дом и серебрилась неокрашенным деревом. Колхоз «Светлый путь», несмотря на оптимистическое название, давно приказал долго жить и стоял на берегу Дона с разрушенными коровниками и покосившимися домами. Тимофей Ильич от своего многолетнего председательства никакого богатства не нажил. Даже при разделе колхозного имущества он взял себе только старенький грузовик, который сиротливо стоял у дома на спущенных лысых шинах, да ещё ему достался велосипед, на котором пожилой человек ездил на рыбалку и в магазин. А вот журавль стал приметой и гордостью всего района. На дивную деревянную птицу приезжали посмотреть даже столичные журналисты.

Встречал Тимофей Ильич любознательных деятелей пера так:

– Ты у меня был?

– Нет.

– Ну, тогда заходи.

Вначале хлебосольный Тимофей Ильич кормил и поил журналиста, а после просил с ним спеть под гармонику. Этот популярный инструмент мастер не только коллекционировал всю жизнь, но и сам изготавливал.

Сыграв перебор, Тимофей Ильич назидательно замечал:

– Самое сложное – правильно отковать у гармоники из латуни голоса!

Мастером Тимофей Ильич, конечно, не родился. Большую часть жизни он шоферил, за баранку грузовика сел в голодном сорок седьмом году.

– На фронт я не попал, возрастом не вышел, но знаешь, как я работал после войны? – вопрошал он у журналиста и сам себе отвечал: –

По двенадцать часов за баранкой, а еды не было тогда. Положу в карман пригоршню квашеной капусты – на целый день!

Служил Тимофей Ильич в армии на аэродроме, и здесь умелец прославился. Изготовил командиру части ванну из того, что нашёл, – из оцинкованного кровельного железа. Но ванна получилась знатная, двухместная, не хуже, чем показывают в американских фильмах. Парился в ней полковник с ветреной прапорщицей-телефонисткой, а поощрил рукастого солдата именными часами и отпуском на родину.

Председателем колхоза выбрали Тимофея Ильича накануне Перестройки, он не особенно хотел идти на эту хлопотную должность, ибо уже разменивал шестой десяток жизни. Так хлебнул Тимофей Ильич и оголтелой антиалкогольной кампании, несуразной гласности. Особенно раздражало его слово «мышлень» из уст главного перестройщика. Тимофей Ильич на этом слове выключал телевизор, приговаривая:

– Так тебя бы и двинул в лоб, Мишка-меченый.

Он точно знал и чувствовал, что идёт к очередной беде – плутовской демократии, окончательно разрушившей колхоз-миллионер.

Особенно было ему обидно, когда заезжий демократический агитатор обозвал Тимофея Ильича «партократом». При этом гость чванливо стоял перед ним, тщательно обрабатывая пилочкой для ногтей свои холёные пальцы.

Смотрел на него председатель растерянным взглядом и вспоминал, как с пятилетнего возраста пас гусей, в девять лет уже самостоятельно запрягал лошадь, а в четырнадцать встал к станку на эвакуированном заводе.

– Какой я тебе, перестроечная шельма, партократ! – вслух подумал Тимофей Ильич. – Ты даже не представляешь, как в жизни работать нужно! У меня с тридцати лет от труда контрактура рук...

Когда Тимофей Ильич всё же вышел на пенсию, то решил окончательно посвятить себя любимому занятию — работе по дереву. За тот год бывший председатель успел многое — превратил свой небольшой дом в изящную резную шкатулку, сплошь украшенную балясинами, точенными на списанном токарном станке. А на самом коньке крыши водрузил деревянный самолёт, пропеллер которого вращал ветер. Как говорил мастер деревенским, самолёт он сделал в память о службе в авиации.

По этому неожиданному увлечению, можно сказать, по художественному поводу у Тимофея Ильича возник небольшой семейный конфликт. Тогда благоверная в сердцах воскликнула:

— Да замахал ты своими точёнками всю семью!

Но Тимофей Ильич не унимался. Следующим его творением стал фонтан у дома.

С фонтаном вышла и вовсе курьёзная история. Безобидное водомётное сооружение вдруг запретил начальник местного ГИБДД. По его уверениям, фонтан отвлекал внимание проезжающих по деревне водителей и создавал аварийную обстановку. Однако Тимофей Ильич обжаловал суровое решение районного гаишника у губернатора области.

Высокий начальник уже был наслышан о знаменитом деревянном журавле и народного умельца принял.

— Начальник ГИБДД утверждает, — серьёзно начал разговор губернатор, — что в твоём фонтане рыбы прыгают и водителей на дороге отвлекают.

— Это правда, — согласился Тимофей Ильич. — Но ведь нет такого закона, чтобы фонтан запретить! За воду я исправно плачу.

— Только в толк не возьму, почему у тебя рыбы прыгают? — допытывался губернатор.

— А я воду в фонтане чуть закоротил, — лукаво признался Тимофей Ильич.

— Ладно, — захохотал губернатор, — фонтан я разрешу, но рыбу электричеством больше не бей. А то, выходит, прав гаишник, когда говорит, что на твоих прыгающих рыб шофёры шеи выворачивают!

Эта радость от разрешения вновь запустить фонтан оказалась последней в жизни Тимофея Ильича. Выходя из кабинета губернатора, он ещё не знал, что болен раком. Прожил бывший председатель всего три месяца, саркома развивается быстро. Давно нет в живых народного мастера, а вот его деревянный журавль всё так же стоит у дороги на въезде в село, и благодарно вспоминают бывшего председателя его земляки.

Дядя Запуперя

Жил дядя Запуперя в старой бане. Дом родной сестре отдал. А что было делать? Сестру муж-алкоголик выгнал из городской квартиры с двумя ребятишками.

А почему его Запуперей по-уличному звали — есть на то своя легенда. Рассказывают, при рождении бабка-повитуха ему каким-то необычным узлом пуп завязала.

Был у Запупери единственный друг — кот Бублик. Много лет они вместе прожили, долгими вечерами на соломенном матрасе лежали и по старенькому радиоприёмнику политику слушали.

Любил дядя Запуперя политику. А кого политика ещё в деревне интересует? Одного кота Бублика — единственного в деревне трезвого собеседника.

Лет пятнадцать кот Бублик политику Запупери внимательно слушал. Но велик ли век кота? Постарел Бублик и оглох. Решил Запуперя, что негоже коту в этой жизни от старости мучиться, и задумал он Бублика утопить.

Посадил он кота в сетку из-под картошки, взвалил на плечо и пошёл на пруд. Бросил он сетку с котом в пруд, смотрит, Бублик в сетке барахтается и натуральные слёзы у кота текут.

Тут сам Запуперя от горя заплакал, вспомнил, как с Бубликом на этот пруд многие годы ходил ротанов ловить, схватил палку на берегу, подцепил сетку с котом и вытащил — пусть Бублик и дальше живёт.

Пошёл Запуперя к сестре с мокрым котом и рассказал эту трогательную историю. Одобрив сестра Запуперин поступок, хорошей приметой назвала. И как в воду того пруда мудро заглянула: вскорости пришла к одинокому Запупере большая любовь.

Купила дом в деревне круглолицая горожанка Наденька. Дом на внешний вид добротным казался, а вот изнутри гнилой — месяца не прошло, как упал перевод и потолок чудом Наденьке на голову не обрушился.

Пошла она по деревне мастера искать. Зубы у Наденьки золотые, лицо как луна в полнолуние, словом, по меркам Запупери — просто красавица и мечта всей жизни.

Стоит Наденька с сынком перед Запуперей и говорит:

— Дима, давай Ивана Васильевича к себе жить примем? Костюм ему купим с галстуком и зубы вставим.

Тут вовсе сомлел Запуперя, ведь по имени-отчеству его никто никогда не называл.

Только сынок Наденькин, Дима, смотрит на Запуперю исподлобья, носом шмыгает:

— А батько мы куда денем?

Стал Запуперя Наденькин дом поправлять, потолок поднял, а Наденька уж просит баню поставить и штaketник.

А где стройматериалы взять? Племянник Запуперин на гараж стройматериалы припас — так пришлось их в дело пустить. Хорошо, что племянник в отъезде был.

Строит Запуперя Наденьке баню, а она возьми и загуляй.

Приходит Запуперя к сестре:

— Валя, никого так в жизни не любил. Увидел — сердце защемило, — со слезами на глазах жалуется.

А сестра ситуацию поняла, но решила не вмешиваться, дескать, пусть сам разберется, и говорит брату:

— Ну, что ж, любовь бывает и поздняя.

А Наденька брачное объявление подала.

Приехали на это объявление два кавказца, вышли из машины, на Наденьку посмотрели и даже хотели побить:

— На фиг ты с такой рожей объявление даёшь? Мы такое расстояние отмахали!..

Вернулась Наденька к Запупере, у его бани на майском солнышке лоскутное одеяло растелила и загорает нагишом.

Смотрела сестра на её моцион и не выдержала, взяла совковую лопату и давай Наденьку по голой заднице охаживать. Так и убежала нагая Наденька огородами к себе в дом.

Пока Запуперя баню строил да у племянника стройматериалы таскал, Наденька ему сосиски варила и кисленького самодельного винца наливала. Наварит компоту из дичков да дрожжей добавит. А как Запуперя стройку завершил — любовь закончилась. Ни сосисок, ни винца. Придёт он к ней, а Наденька на крыльцо замок повесит и двором ходит. А потом строителю сама счёт предъявила:

— Я тебе тысячу рублей на штaketник давала, а ты мне его не поставил.

— Мне этой тысячи только на половину досок хватило, — отвечал Запуперя.

— Это не моё дело, — напирала Наденька, — взялся — доделывай или тысячу возвращай. А если нет денег — отдай тележку.

Пришлось тележку отдать, а тележка на селе — первое дело: воды бак с колонки привезти, дров, перегной...

Увидела сестра, как Запуперя утром дрова на горбу тащит, и сказала:

— Ну что, старый дурак, строил-строил Наденьке и ещё сам должен остался? Как теперь без тележки жить будешь? Правда, любовь зла. Обула тебя Наденька, зубы в задницу вставила и галстук на мошонку повесила. Говорят, к Наденьке муж вернулся, в отремонтированный тобой дом, и в бане, тобой построенной, теперь парится.

Молчал виновато Запуперя.

Теперь только старого кота, самого верного друга, поглаживает и вновь политику по радиоприёмнику слушает.

Говоруны

У Тамары Дворецкой было два высших образования — педагогическое и инженерное, а трудилась она в колхозе простой дояркой. В прошлом жительница Санкт-Петербурга, вдова начальника райотдела милиции, во времена Перестройки она потеряла работу технолога на текстильной фабрике и решила вернуться в родную деревню, в доставшийся ей по наследству родительский дом. Двухкомнатную квартиру практически в самом центре Северной столицы, в пяти минутах ходьбы от знаменитого Невского проспекта, она оставила повзрослевшему сыну, который обзавёлся семьёй и пошёл по стопам отца, став офицером угрозыска.

Обустроившись Дворецкая в родных местах очень непросто, даже пожалела, что вернулась. Знания из области текстильной промышленности в дышащем на ладан колхозе ельцинских времен оказались никому не нужны. Не нашлось ей работы и в местной школе: начальники от народного образования указали на отсутствие педагогического стажа и полную невостребованность её педагогического диплома учителя французского языка. Имела право она преподавать ещё и немецкий, но эти часы в школе были заняты. Да и, если говорить честно, Дворецкая давно забыла не то что немецкий, но и основной свой язык по вузовскому диплому — французский. Тамара Алексеевна и сама это прекрасно понимала, ибо владение иностранным языком требует постоянной практики.

В итоге, приведя в порядок родительский дом, Дворецкая решила на жизнь не роптать, а пойти работать дояркой.

Сын писал и звонил ей очень редко, но регулярно присылал небольшие денежные переводы. Тамара на него обижалась, но только на словах — в разговорах с подругами, а в душе обиды не было. Она понимала, какая у сына тяжёлая работа — преступников милиция ловит без праздников и выходных. Хорошо помнила, как на этой работе буквально в сорок лет «сгорел» её муж. Он умер от

сердечного приступа прямо за рабочим столом.

Дворецкая очень переживала, что сын после армии пошёл работать в милицию, отговаривала его, убеждая, что ему, золотому медалисту, прямая дорога в любой вуз.

Однако сын твёрдо сказал, что хочет пойти по стопам отца, и начал свою карьеру в милиции сержантом ППС, затем заочно окончил юридический и перевёлся в угрозыск.

После переезда в деревню, через некоторое время в жизни Дворецкой появился мужчина. С Николаем Кузнецовым, или, как его звали по-деревенски, Колькой-Кузней, она сидела за одной партией. После окончания школы Колька даже сватался к Тамаре. А когда она поступила в пединститут в Ленинграде, Кузенья уехал вслед за ней, поступил учиться в строительный техникум, но буквально через месяц попал в этом огромном городе в нехорошую историю.

Он возвращался с учёбы в общежитие, и в трамвае на ногу Кузене острым каблуком наступила женщина. Боль была такая, что у Кольки вырвалось нецензурное слово «****». А поскольку Коля был ещё и не совсем трезв — выпил две кружки пива с приятелями-студентами, — донельзя оскорблённая гражданка сдала Кузенью в милицию.

Кольку осудили на год за хулиганство, наказание назначили условное, но исключили из техникума. Эта история окончательно разрушила их отношения с Тамарой, ибо она не хотела выходить замуж за пьяного хулигана.

Кузенья с позором вернулся в родные места. Семью он так и не устроил, работал трактористом и жил с родителями, пока те не умерли. Впрочем, жил он неплохо. Отец Кузени всю жизнь работал завхозом, и родительский дом для Кольки был полной чашей.

В четырнадцать лет Колька выпросил у родителей двухскоростной мопед и японскую магнитулу, о чем, конечно, не могли даже мечтать другие деревенские дети. В шестнадцать лет Кузене купили великолепный чешс-

кий мотоцикл «Ява». Колька к этому возрасту уже потягивал спиртное и дорогой мотоцикл умудрился разбить через несколько месяцев.

Дело было поздней осенью. Колька в модной белой дублёнке выехал на ярко-красной «Яве» со двора, набрал приличную скорость, но плохо управляемый на мокром асфальте мотоцикл понесло прямо на придорожный бетонный столб. К счастью, сам Кузенья о столбе не ударился — улетел в кусты, а вот мотоцикл буквально переломился на раме и обгорел от вспыхнувшего бензобака.

Несмотря на это, родители продолжали баловать единственного сына и на восемнадцатилетие подарили ему «Запорожец». Автомобиль продержался у Кузени два года. Как-то Колька поехал с приятелями на ночную рыбалку. Наловили сетью два мешка рыбы и стали варить уху на костре, при этом, конечно, продолжая выпивать. А «Запорожец» прямо на глазах всей честной компании скатился с обрыва и, перевернувшись на крышу, исчез в реке. Кузенья просто забыл поставить машину на ручной тормоз.

Больше родители Кольке никакую технику не покупали, хотя он ещё несколько лет после этого просил мотоцикл с коляской.

Когда родители умерли, Кузенья пропил всё, что было ими нажито за многие годы, вплоть до постельного белья и посуды. Ел и пил из одноразовых пластмассовых стаканов и коробок от китайской лапши, спал на диване прямо в одежде.

Трактористом он уже не работал: попал в глупое ДТП. Угораздило приехать в район какого-то крупного столичного чиновника. Лимузин знатного гостя буквально въехал под Колькин трактор.

Кузенья в этот день отправился за соляжкой в райцентр и дорожную аварию описывал приятелям так:

— Еду я, мужики, по дороге спокойно. Погода отличная... Еду и песни пою. Уже и заправка показалась на въезде в райцентр, как вдруг, чую, моя задница сама по себе вверх поднимается, колёса трактора тоже вверх пошли, а морда моя сама по себе плавно на руль ложится.

— Неужели ты даже удара не почувствовал? — недоумевая, переспрашивали его мужики. — Быть такого не может!

— Ей-богу, — крестился Колька, — когда

меня этот лимузин сзади догнал и под мой трактор ушёл, никакого удара я не ощутил, только началась с моим телом какая-то цирковая акробатика!

Возможно, Кузенья и не был виновником ДТП, но за руль трактора он сел нетрезвым, а приехавшие на место аварии гаишники сильно Кольку прессовали:

— Ты почему, сукин сын, не пропустил машину с флажковыми номерами?!

Разумеется, о существовании блатных «флажковых» номеров Колька ничего не знал. Хорошо, что в начальственном лимузине никто не пострадал, но Кузенья получил в жизни ещё один условный срок и лишился водительских прав. Восстанавливать он их так и не стал, устроился работать на лесопилку.

Когда Тамара приехала в деревню, Кузенья появился у её дома в тот же вечер. Коля с трудом сидел на стареньком велосипеде, пьяный, грязный. Постучав в веранду, закричал:

— Тамарка, дай сто рублей!

— Хоть бы поздоровался, — осекла его Дворецкая. — Столько лет не виделась — и на тебе, дай сто рублей, — передразнила.

— Ну, хоть пятьдесят дай, — сделал жалобную физиономию Кузенья. — Не похмелюсь — точно помру!

— Не дам, — твёрдо отрезала Тамара, — и заниматься на выпивку лучше не заходи!

Кузенья уехал, но через полчаса вернулся с бутылкой. Тамара смотрела из окна, как Колька осушил её прямо из горлышка. В дом Кузенья ломиться теперь не стал. Охмелев, грузно присел на порог и тут же уснул до утра.

На рассвете он постучался к Тамаре:

— Тамарка, — сказал Кузенья, протягивая заспанной Дворецкой мужские резиновые сапоги, — купи у меня сапоги. Новые. Хотя бы за полтинник...

— Ладно, — немного подумав, сказала Тамара и отдала Кузене пятьдесят рублей.

А вечером она заглянула в Колькину избу и поставила те сапоги у порога:

— Отдаю назад, — строго сказала Дворецкая, — но с условием, что ты их не продашь, дурень. А то в чём ходить-то будешь?

Колька грустно посмотрел на свои грязные, уже разбитые артритом ноги и виновато ответил:

— Обещаю, не продам.

Кузенья сдержал слово. Стал он приходить в гости к Тамаре трезвым. Однажды Коля зашёл к Тамаре после бани, принёс бутылку молдавского коньяка, и они допоздна засиделись за ужином. Вспоминали детство и юность. Тамара заметила, что Коляка может не материться, а нормально разговаривать. Растроганная от нахлынувших чувств женщина оставила его на ночь. А утром Кузенья предложил Тамаре стать его женой.

Та засмеялась, но, немного подумав, недоверчиво ответила:

— Официально оформлять отношения я с тобой, конечно, не буду. Зачем мне муж-алкоголик? Но мужик в доме нужен. Хочешь — приходи и живи, но только по моим порядкам, а если что не так — сразу выставлю за дверь!

Неожиданная семейная жизнь Коли и Тамары постепенно налаживалась. Дворецкая приодела Кузенью в одежду, оставшуюся от покойного мужа-милиционера. Коля стал ходить в чистых рубашках, костюмах и в хорошей кожаной обуви. Ничто в нём теперь не выдавало бывшего опустившегося алкоголика. Пить он не бросил, но от страха перед Тамарой вдруг обнаружил, что пить он может меньше, а главное — способен вовремя остановиться и не тянуть руку к лишнему стакану.

В колхозе зарплату задерживали бывало и на полгода, но с доярками председатель расплачивался продуктами, работая по бартеру с местным молокозаводом. Тамара приносила с работы молоко, огромные головки сыра, упаковки сливочного масла. За колхозное зерно председатель выменивал муку, крупы, сахар. Так что еда в доме была всегда.

Коля и Тамара брали каждый год на откорм телят. Мяса было столько, что фарш на котлеты крутили в эмалированный бельевой таз. На лесопилке хозяин-армянин давал Кузенье ежедневно наличными триста-четыреста рублей за трудодень. Эти деньги шли на спиртное. Тамара тоже стала выпивать, но умеренно, исходя из некоего соображения, чтобы Коле меньше доставалось.

Любви между ними никакой уже не было. Они просто были нужны друг другу. Кузенья нуждался в женском обиходе, а Тамара — в мужской помощи по дому. Коля копал огород, поливал его, рубил в лесу дрова и колот их на зиму.

В отличие от прочих деревенских мужиков, на баб руку он никогда не поднимал. Да и вряд ли с Тамарой у него это и получилось бы... У неё была крепкая кость. Все женщины в их породе народились коренастыми и сильными, даже несколько мужиковатыми, и в обиду себя никогда не давали. Особенно это проявилось в младшей Тамариной сестре — Ольге.

Она по примеру сестры тоже уехала после школы, но не в Ленинград, а в Воронеж, поступила в медучилище на фармацевта. Однако проучилась всего год и неожиданно для всех вышла замуж за аспиранта-англичанина. Он уже закончил учебу, молодые сразу уехали в Лондон. А чуть позже сестра написала Тамаре несколько писем о своей новой жизни. Муж-англичанин оказался совсем никудышным, он был потомок шотландских аристократов, которые в своей жизни не работали, наверное, уже лет пятьсот! Русской жене пришлось буквально кормить английского супруга. Хорошо, что ещё не было у них проблем с жильём: мужу от родителей досталась небольшая двухкомнатная квартира в пригороде Лондона — Гринвиче. В чужой стране Ольга не нашла достойной работы, кроме как выступать на женских боксёрских поединках в лондонских пабах. Вначале ей платили всего пять фунтов за бой. Но от поединка к поединку слава её в Лондоне росла. Коренастая и крепко сбитая Ольга, не зная техники боя, своими крестьянскими кулаками легко опрокидывала хорошо тренированных и знающих толк в боксе холёных рослых англичанок. А те от её мощных апперкотов валились на кафельный пол пивбара под неумные восторги нетрезвых английских мужиков. Скоро русской боксёрше стали платить по целой сотне фунтов за один бой.

Дальше и вовсе пошли дела удивительные. Через несколько лет, подучив английский язык, Ольга поступила в знаменитую лондонскую Высшую школу экономики, успешно окончила её и устроилась брокером в один из известных аукционных домов Лондона.

А вот и в деревенской жизни Тамары Дворецкой произошел очередной перелом. Тамара всё чаще задерживалась на ферме. Особенно она любила проводить время с телятами. Телятник — самое тёплое, чистое и сухое место на ферме. Здесь

содержатся телята от рождения до трёх месяцев. Дворецкой нравилось, как их любопытные мордашки выглядывают из клеток и дружно мычат, завидев знакомую фигуру. Про себя Тамара думала: «Это очень хорошо, значит, телята здоровы и уже проголодались».

Она знала, что телята, как и маленькие дети, любят заботу и ласку. Особенно ей приглянулся чёрный телёнок с большими глазами, который больше всех радовался её приходу, ластился в подол крутым лбом, смотрел на неё фиалковыми глазами и всё время нежно мычал. Тамара так и прозвала его — Говорунчик. Вскоре Говорунчик превратился во взрослого быка, и Дворецкая полюбила крупное, сильное, холёное животное ещё больше. Ей казалось, что сокрыта в этом особенном быке необычная мужская сила и нежность, чего ей всю жизнь не хватало от мужчин.

Тамара уже приходила по утрам к быку и обязательно давала животному охапку самого свежего сена.

— Узнал ли ты меня, Говорунчик? — ласково спрашивала она и обнимала тяжёлую шёлковую бычьей морду. — Любишь ли ты меня, Говорунчик?

А бык в ответ преданно смотрел Тамаре в глаза.

Но благоволил Говорунчик только Тамаре. Нрава бык рос крутого, и его стали побаиваться на ферме. Он бодал неосторожных баранов, бодал коней и даже задирали брехливых деревенских собак. Ходит за ними по деревне, мычит и ногами роет землю.

В одно из воскресений, когда приехала авто-

лавка, бык убежал с фермы и неожиданно появился в толпе покупателей. Настроен был Говорунчик мирно.

Тамара хвасталась деревенским бабам дружкой с быком и кормила его у автолавки только что купленным печеньем.

В этот момент к Дворецкой подошёл Кузенья и стал просить купить ему баклажку пива: день был жаркий. Неожиданно бык ударил Колю рогами в живот. Стало быть, приревновал. Кузенья только ойкнул и тут же захрипел, а Говорунчик уже катил его рогами по пыльной дороге.

Самое удивительное, что никто не испугался. Бабы и мужики с воплями лупили Говорунчика кулаками и ногами. Быстро отогнали, а окровавленного Кузенью подняли с земли и на этой же автолавке повезли в районную больницу.

Умер Коля на больничной койке. Быка закололи на следующий день.

После похорон Кузеньи Дворецкая написала письмо сестре, поведав эту трагическую историю с быком и убитым сожителем. Ответ пришёл очень быстро — месяца через полтора и неожиданный: сестра позвала её жить в Англию и просила выслать номер банковской карточки, на которую можно перевести для неё деньги на дорогу.

Думала Дворецкая недолго и собиралась недолго. Конечно, никакой банковской карточки у неё не было, но сестре она об этом сообщить постеснялась. А деньги на дорогу Тамара сама нашла: продала по дешёвке дом переселенцам из Казахстана. Уехала она тихо, ни с кем не простившись.

КВАКУШКИ В КЛЯРЕ

Когда портной Николай Васильевич Усков выходил из запоя, его жена Людмила Ивановна запирала мужа в квартире на ключ по его же настоятельной просьбе, и Николай Васильевич шил брюки по заказу швейной фабрики, где много лет трудился портным-надомником. Шил он детские школьные брюки на резинке — по рублю за каждое изделие. Однако мастер в такие дни успевал сшить до семи штук. Работа кипела, уют шипел паром,

ткань резалась и кроилась уверенной рукой, беспрестанно строчила швейная машинка. Рядом с портным на столе сидела собака породы болонка — Пушок. Николай Васильевич в работе беспрестанно похлывал папироской, изредка он втыкал папироску Пушку в зубы. Собака давно привыкла к табаку и послушно дымила тлеющим окурком.

Работать надомником портного пристроила его жена, которая тоже трудилась на швейной

фабрике. Людмила Ивановна стеснялась внешности мужа — Николай Васильевич в детстве отморозил кончик носа и ходил всю жизнь с небольшой чёрной повязкой.

Виной всему была мачеха Ускова, которая выгнала его из дома десятилетним ребёнком за какую-то мелкую провинность, и ему пришлось несколько дней ночевать на улице, в стогу сена, пока не вернулся из командировки отец. Мачеху тот выгнал, но Коля остался на всю жизнь без носа. Вскоре исчез буквально в никуда его отец — офицер НКВД.

От родителя Николаю остался только толстый кожаный семейный альбом, который отец прятал в холщовый мешок от посторонних глаз и даже от собственного сына. С этим альбомом его и забрала к себе единственная родная душа — тётка, сестра матери. А мать Николая умерла при его рождении. Тётка этот альбом велела спрятать и никому не показывать. Но почему, он понял, только когда вырос. На дореволюционных фотографиях были предки Николая Васильевича — представители известной дворянской фамилии. Но ничто в этом паренёке не указывало на то, что он отпрыск знатного рода. Коля был маленького роста, с большими ушами, но, несмотря на отсутствие носа, в школе он стал заметным комсомольским активистом.

После средней школы Коля выучился на портного, сначала работал в Москве, в одном из армейских ателье, но через некоторое время вернулся в родной город и хвастался тем, что когда-то пошил шинель маршалу Будённому. В заказчиках у некогда столичного портного ходил буквально весь город. От шальных денег Николай пристрастился к алкоголю, и не спасла от этой пагубы даже женитьба. Людмила и представить не могла, что выйдет замуж за безносого парня, но Николай так расположил к себе её многолетних родителей, что они поставили дочери ультиматум: либо выйдешь замуж за портного, либо можешь уходить из дома на все четыре стороны. Дескать, хватит на родительской шее сидеть. Девушка несколько дней рыдала, но потом смирилась.

Работал Николай Васильевич быстро, заез-

жей на гастроли балерине он по настойчивой просьбе директора фабрики за одну ночь сшил шубу из нерпы. Шкуру этого зверя не брала ни одна швейная машинка, но Николай Васильевич шубу танцорке всё же собрал, орудуя только толстой иглой и пассатижами. Расплатился с портным любовник балерины — худрук театра, вручив за работу пятидесятирублевую купюру. В этот же день Николай Васильевич гонорар прогулял в ресторане «Поплавок», который в то далёкое советское время призывно качался на понтонах посреди Комсомольского пруда.

Там Людмила Ивановна и нашла своего мужа. Николай Васильевич брэнчал на гитаре модную тогда песню: «...А на кладбище всё спокойненько...»

Песню слушали местные забулдыги и верный пёс с беломориной в зубах.

Супруги вырастили двух сыновей. Старший, Владислав, некогда подавал надежды как футболист, даже сыграл несколько матчей за молодёжную сборную страны, но блестящую спортивную карьеру прекратила травма — разрыв мениска. Может быть, и был у него шанс вернуться в спорт, но операция прошла не совсем удачно, о футболе пришлось забыть. Потерявшийся в жизни Владислав стал тихим алкоголиком и фактически висел на шее у родителей. Целый день он пил с отцом дешёвый «Солнцедар» и слушал записи Высоцкого на стареньком катушечном магнитофоне «Маяк».

Младший сын — Игорь — стал промышленным художником, удачно женился во время учёбы в Москве, в Строгановском училище, на дочери директора автомобильного завода. Любящий отец отдал дочери и зятю министерскую квартиру на Ленинском проспекте, обставленную мебелью из карельской берёзы.

Уже в период окончания Перестройки сын наконец-то пригласил к себе в гости, в столицу, престарелых родителей, которых долгие годы стеснялся — привычная история выбравшегося в столицу провинциала. Жена Игоря, Лариса, была известным искусствоведом, часто ездила в Париж, слыла поклонницей всего

французского. Детей у них не было, избалованная Лариса панически боялась рожать.

Родители ехали в Москву к сыну в фирменном поезде. Николай Васильевич выпросил две бутылки вина в ресторане и утром на перрон Павелецкого вышел с помятой физиономией. Сын, заметив родителей на выходе из здания вокзала, посигналил через опущенное стекло югославского автомобиля «Застава», купленного на чеки посолторга.

Николай Васильевич автомобилю удивился, вроде по внешности наш «горбатый» «Запорожец», но был в авто некий забугорный лоск — изящные линии кузова, покрытого белой и очень качественной эмалью, тщательная отделка салона, лишённая советского минимализма.

Машина двигалась по широким, тогда ещё полупустым московским проспектам. Престарелый портной восторженно крутил головой, вспоминая свою московскую послевоенную молодость. Столица изменилась, разрослась, а он помнил её ещё полубарачной, с чёрным снегом от многочисленных угольных котельных.

Пока муж с родителями был в дороге, невестка решила попотчевать дорогих гостей экзотическим блюдом — лягушачьими лапками. Накануне она купила их замороженными в Елисеевском гастрономе. Секрет приготовления блюда она познала во Франции, а заключался он в специфическом сырном кляре, с виду похожем на вязкую тёмную карамель.

Когда прошло время дежурных объятий и поцелуев, родственники сели за круглый стол в огромной кухне с барной стойкой и массивным буфетом.

Людмила Ивановна есть лягушек не стала, еле заметно фыркнула и, чтобы не обидеть невестку, ковыряла вилкой кляр.

— А вы попробуйте, — настаивала невестка, — это необыкновенно вкусно.

— Да знаю я, — смутилась Людмила Ивановна, — мы в детстве, в войну и после войны лягушек на реке ели.

— И ракушки пекли на костре, — добавил Николай Васильевич, уже покрасневшийся от первой рюмки доброй столичной водки. — Ракушками и свиней кормили.

Игорь только хмыкнул, идею супруги с приготовлением лягушек он не одобрил, но промолчал.

А Николай Васильевич с интересом хрустел лапками земноводных.

— Не правда ли, — жеманно заметила невестка, — похоже на вкус нежной курятины?

Николай Васильевич, однако, никакого сходства не замечал. Лягушачье мясо отдавало тиной и казалось ему совершенно безвкусным. Он посмотрел искоса на Людмилу Ивановну, и она ответила ему таким же понятным взглядом, в котором читалось только одно: «Вот как они в столице с жиру бесятся!»

В глазах подвыпившего Николая Васильевича коричневый карамельный фритюр давно перемешался с таким же коричневым паркетом и добротной тёмно-коричневой румынской мебелью гостиной. Николай Васильевич испытал вдруг необычное ощущение, будто он сам и есть лягушка в кляре.

— А я нахожу, что вкус сладковатый и похож не на курицу, а на свинину, — решил поддержать жену Игорь, уловив раздражение родителей.

Повисла неловкая пауза. Людмила Ивановна только незаметно ткнула захмелевшего супруга в бок. В отличие от мужа, ей в тарелке виделась другая картина. Лягушачьи лапки поразительно напоминали дебелие девичьи ноги на деревенском пруду, и от этого ещё больше подкатывал к горлу предательский ком тошноты.

Больше сын и невестка родителей в гости не приглашали. А Николай Васильевич часто рассказывал эту историю своим приятелям-собутельникам во дворе:

— Ну и жену сын себе выискал! Отца и мать московская курва квакушками в кляре встретила! Какая жадная! Да и сынок-подкаблучник отчудил: лягуху со свининой на вкус сравнил. Это ж сколько в болоте нужно свиней наловить?!

Достоинство Ивана Петровича

Всю жизнь Иван Петрович работал в женском коллективе в небольшой химической лаборатории при заводе, слыл законченным холостяком, несмотря на то, что уже разменял пятый десяток.

Жил он в рабочем общежитии, в девятиметровой комнате, правда, с сантехническими удобствами в виде душа и унитаза. Эту маленькую комнату Иван Петрович безропотно делил с художником-оформителем Володей Прониным. А чудаковатый сухонький, с масляными карими глазками художник женился и разводился каждый год. Выбирал он подруг жизни в большом теле, имел нервную привычку всё время подтягивать штаны, зимой и летом носить калоши и напиваться в одиночку. Четвертинка с водкой всё время лежала в бачке для унитаза. Зайдёт Володя в туалетную кабинку грустным, а выйдет румяным и весёлым.

Отец Пронина когда-то был шофёром председателя райисполкома. От большого начальника, как говорится, с барского плеча ему досталась списанная «Победа». Автомобиль, сделанный в 1949 году из немецкого железа, был совершенно не подвержен времени. «Победа» досталась художнику по наследству и стояла всегда наготове прямо под окнами общежития. На автомобиль женский пол реагировал всегда положительно, он способствовал Володиным любовным успехам.

Впрочем, за этот автомобиль Володя Пронин получил условный срок. Очередная жена как-то загуляла, художник нашёл неверную на соседней улице во времянке — голую, пьяную и в компании трёх мужиков. Разгневанный Володя привязал верёвкой супругу к бамперу «Победы» и потащил по улице. Автомобиль медленно полз по зимней наледи, привязанная к нему рыжая толстая, совершенно голая баба отчаянно выла. Прохожие вызвали наряд ППС. Супругу художник не покалечил, одна-

ко уголовное дело и условную судимость — два года за хулиганство — он получил.

Жизнь с похотливым художником и его неудачные романы с дородными женщинами вовсе отвратили Ивана Петровича от мысли создать семью. Впрочем, жил Иван Петрович в комнате в основном один, так как художник часто обитал у очередной жены.

В женском коллективе Иван Петрович был предметом для постоянных насмешек. Сотрудницы лаборатории давно перестали видеть в нём мужчину, при Иване Петровиче примеряли нижнее белье и сплетничали с интимными подробностями о своих знакомых и мужьях. Иван Петрович тихо сидел за своим столом, уши его горели, а когда становилось совершенно невыносимо, он выходил нервно курить на улицу. Однако было время, когда сотрудницы не оставляли попыток устроить его личную жизнь, как-то даже познакомили с тихой разноглазой портнихой Катей. Знакомство состоялось на трамвайной остановке, где Иван Петрович чинно раскланялся перед дамой и вручил ей пластмассовую розу совершенно ядовитого цвета. Глядеть на Катю кавалеру было очень любопытно: Ивану Петровичу совершенно не удавалось сфокусировать в своем сознании её лицо, разные глаза портнихи — один голубой, а другой зелёный — как будто дробили её черты. Но парочка, перекинувшись несколькими ничего не значащими фразами, села в вагон, а через остановку в трамвай вошёл контролёр. Тут неприятно выяснилось, что Иван Петрович купил билет только себе, и несостоявшуюся невесту контролёр со скандалом вывел на улицу.

Хитрый Иван Петрович, отвернувшись к окну, поехал дальше, равнодушно глядя через стекло в грязных подтёках на осеннюю улицу. Правда, тогда он впервые в жизни остро почувствовал своё сердце. Нет, не боль, а какое-то странное ощущение пауз между его биением.

После этого скандального сватовства женщины из лаборатории уже не пытались с кем-то Ивана Петровича познакомиться.

Этой же осенью коллектив лаборатории послали на уборку картошки в помощь местному колхозу. В автобусе неунывающий Иван Петрович с удовольствием уплетал припасы сотрудниц, шутил. В поле — а день в конце сентября выдался необычайно жарким — Иван Петрович разделся до семейных трусов. Но лопату в руки так и не взял. Он достал из сумки маленькую скамеечку, какую обычно гитаристы ставят под ногу, и уселся загорать.

Изредка Иван Петрович подходил к работающим женщинам с увесистым брусом:

— Может, кому лопату наточить?

Но в ответ неслось задорное:

— Лучше себе хрен подточи!

Сотрудницы, не разгибая дородных спин, вовсю обсуждали субтильную фигуру Ивана Петровича — его острые колени, тощий, но отвисший живот, сутулую спину.

— Смотрите, уселся малахольный, — подначивала начальник лаборатории Татьяна Семёновна, — а может, бабы, проверим, мужик он вообще или нет?

После этих слов женщины, словно сговорившись, бросили лопаты и двинулись к Ивану Петровичу. Товарки ловко свалили его в сухую ботву и сняли с изумлённого сослуживца семейные в голубых слониках трусы.

— Да у него, бабы, писулёк с детский пистолетик! — гоготала Татьяна Семёновна. — У моего внука-первоклассника и то больше!

Иван Петрович только сверкал глазами и, криво улыбаясь, натягивал трусы. Женщинам в ответ он ничего не сказал, а по возвращении из колхоза написал заявление в товарищеский суд: дескать, женский коллектив взял и ущемил его мужское достоинство путём неожиданного голого раздевания.

Если кто ещё помнит, товарищеский суд в СССР был выборный общественный орган, призванный активно содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, к социалистической собственности, соблюдения правил социалистическо-

го общежития, а также в духе уважения чести и достоинства граждан. В общем, бла, бла, бла... А главная задача незабвенного товарищеского суда заключалась в предупреждении правонарушений и проступков, наносящих вред обществу. Товарищеский суд был призван воспитывать методом убеждения и общественного воздействия.

Только художник Пронин заявления Ивана Петровича не одобрил:

— Дурак ты, Петрович. Бабы к тебе сами полезли, а ты свой мужской момент упустил...

Через несколько дней в обеденный перерыв в лабораторию заглянул Илья Сергеевич Савельев, грозный председатель профкома завода и одновременно председатель товарищеского суда.

— Иван Петрович, — чинно обратился Савельев к потерпевшему, — прошу сегодня к 17.00 явиться в Красный уголок на заседание товарищеского суда.

Народу собралось немного, но и этого количества хватило для солёных шуток, повисших в воздухе, когда собравшиеся узнали, в чём провинились перед Иваном Петровичем женщины из лаборатории.

Призвав всех к порядку, Савельев открыл заседание, предоставил слово «потерпевшему» от женского любопытства Ивану Петровичу. Пока Петрович рассказывал историю своего обнажения в чистом картофельном поле, смех в зале часто перерастал в гул, а председательствующий, еле сдерживая улыбку, листал книжку «Положение о товарищеских судах».

Вызвали единственного свидетеля — шофёра автобуса Мишу Сизова. Миша был не совсем трезв, но на это уже никто не обращал внимания.

— Да что я видел? — переспросил сам себя Миша. — Видел издали его голую задницу, бабы вокруг него толпились и хохотали. Я думал, что Петрович нагишом загорать собрался. Ну, сняли с него трусы — невелика беда, всё ведь шутки ради... Бабы ведь шишки у своих мужей каждый день видят. Почему сразу суд? Больше мне сказать нечего...

Наконец попросила слово главная виновница происшествия Татьяна Семёновна. Она не

моргнув глазом попросила извинения у Ивана Петровича от всего коллектива лаборатории, попутно похвалив его как добросовестного работника, однако в конце своего длинного монолога всё же не удержалась:

— Всё бы ничего, да не мужик он на самом деле...

— Хватит таких оценок! — возмутился Савельев, задумчиво рассматривавший в то время суровые портреты членов Политбюро. — Иначе мы вас оштрафуем за неуважение к суду!

— А что такого? — улыбнулась Татьяна Семёновна. — Судите нас — право ваше!

Слова её потонули в очередной волне хохота. Понимая, что суд пора закруглять, Савельев заявил о прекращении прений и пригласил всех членов суда в соседнюю комнату на совещание.

Выбор наказания для женщин был невелик. Товарищеский суд мог объявить общественное порицание либо ходатайствовать перед администрацией об объявлении выговора, либо о наложении штрафа от десяти до тридцати рублей. Рассудив, что общественное порицание и выговор для работниц лаборатории — пустой звук, заседатели проголосовали за штраф, да и то минимальный — десять рублей, а взыскать его следовало с Татьяны Семёновны, заведующей лабораторией.

Уходил Иван Петрович после заседания товарищеского суда как побитый. Ещё бы! За какие-то десять рублей с него бабы в поле прилюдно и совершенно безнаказанно сняли трусы, потешались над его мужским достоинством. Более того, смеющиеся товарки уже в импровизированном судебном зале стали собирать этот штраф по рядам и передавать деньги Татьяне Семёновне. Сбросились не только на штраф, но и на праздничный стол, за который ещё и позвали Ивана Петровича, чтобы выпить «мировую».

Больше всех не унимался шофёр Миша:

— Гордись, Петрович! Теперь твой ничёмный хрен по решению суда стал червонец стоять!

На следующий день Иван Петрович написал заявление на увольнение. Отработав положенные по закону две недели, он выписался из общежития и уехал из города. Соседу по комнате, художнику Пронину, Иван Петрович сказал лишь, что решил вернуться в деревню и первое время будет жить у сестры.

КНИЖНЫЕ ЛЮДИ

После окончания культурно-просветительного училища Аня получила распределение на работу в большое село Подгорное. Оно стояло в девяти километрах от райцентра. Комнату ей пообещали снять у сельской пенсионерки.

Рейсовый автобус сломался на середине пути, и Ане, единственной пассажирке, пришлось зимней ночью идти больше часа пешком. Ей даже показалось, что на пустынной дороге, огороженной деревянными снегозащитными щитами, она видела волка. В темноте из придорожных кустов горели два внимательных глаза. Аня боялась обернуться. Так и вошла

она в тёмное село, нужный дом спросила у стоявшей возле колонки женщины.

— Это вам к Елизавете Дымовой, — опустила на снег оцинкованное ведро закутанная в тёплый платок селянка. — Вот тот дом из красного кирпича возле склада, видите, окно горит?

Аня благодарно кивнула и пошла на слабый огонёк за красной занавеской.

Дом у пенсионерки Дымовой был небольшой, в одно окно, с пристроенным двором из самана. Весь двор был заполнен жёлтыми и оранжевыми тыквами, часть из них уже успела подгнить.

Старушка Елизавета встретила Аню привет-

ливо, быстро поняла, что новая библиотекарша сильно продрогла, потому сразу провела в тёплую кухню.

— Автобус сломался, — виновато сказала Аня, — полдороги пешком шла. Мне кажется, я волка видела, сильно испугалась.

— У нас такое бывает, — кивнула пенсионерка. — Ты полезай-ка на печь задницу греть, а я щи тебе разогрею.

Аня молча влезла прямо в пальто на полати. Они пахли старыми валенками, шиповником и сухой глиной. Уже через полчаса она согрелась, а бабка Елизавета разогрела щи на электрической плите.

Она подала Ане суп прямо в помятой алюминиевой кастрюле, нарезала несколько ломтиков сала и чёрного хлеба. Эта простая еда показалась Ане самой вкусной на свете.

В это время бабка Елизавета, бурча себе под нос, перешла к разговору о личной жизни. На стене в деревянной рамочке висели старые, пожелтевшие семейные фотографии. Одна была самая крупная — с человеком в военной гимнастёрке:

— Вот я с Петром Фёдоровичем тридцать лет прожила. Умер десять лет назад от воспаления лёгких. Шестерых детей родили, трое померли, а остальных жизнь по всей стране развела. Редко приезжают, внуков всего два раза видела. Мужа всю жизнь по имени и отчеству звала, не так, как теперь у вас принято. В строгости жили, даже ни разу не поцеловались.

Аня от неожиданности поперхнулась щами:

— Как это так — шестерых детей сделали и не поцеловались?

— А что, — хитро улыбнулась бабка Елизавета, — я спать лягу, он сзади пристроится и что-то там ворочается себе, а я вид делаю, что сплю. Так дети и получались без всяких ваших поцелуев!

Библиотечные будни были похожи один на другой. В зале, натопленном большой металлической печью, стоял резкий запах типографской краски. Молодая библиотекарша Аня откровенно скучала, дожидаясь конца рабочего дня. Уже была прочитана вся периодика, а любимые книги, которые она время от времени перечитывала, вызывали теперь раздражение. Она часами

смотрела в окно на тихую сельскую улицу, на кладбище, примыкавшее к деревянному зданию библиотеки.

Читателей не было, изредка появлялся кто-то из школьников. Аня до сих пор помнит своего первого читателя — смышлёного белобрысого подростка, которого она почему-то испугалась и зачем-то рекомендовала четырнадцатилетнему мальчишке рассказы Борхеса. Он вернул книжку через день, разочарованно признавшись: «Как скучно и куце пишет этот дядя».

Ученики просили книги из школьной программы, иногда забавно путали названия и авторов, порой вообще не знали, что именно нужно им — то ли книжку про войну, то ли приключенческую.

Школьная программа Аню всё более настораживала, даже на привычные басни Крылова она стала смотреть с подозрением. Вот ведь пишет: «На ель ворона взгромоздись...» Сколько же должна весить такая ворона, чтобы «взгромоздиться»? А стихотворение Некрасова о медведе, которого зритель принял за генерала!.. Употребил же классик неуклюжее сравнение «мохнатый седачок»! Один из юных читателей и вовсе рассмешил Аню, попросив стихотворение Пушкина «Я помню жуткое мгновенье...». Иногда она делала обход по домам должников, чтобы вернуть в фонд книги. Их возвращали в потрепанном виде, были и с коричневыми следами от тарелок. Библиотекарша только вздыхала и пеняла нерадивым читателям, предупреждала, что книг больше не даст, однако потом покорно выдавала нужную литературу и штрафованным читателям.

Путь к домам нескольких должников проходил прямо через кладбище — так было короче. По дороге Аня с интересом рассматривала припорошенные снегом, заросшие сухим бурьяном могилы, читала таблички с именами усопших. «Да здесь все библиографические данные!» — невольно осенила её лукавая мысль.

А дело было в том, что пару дней назад в библиотеку наведальось районное начальство и потребовало увеличить количество читателей,

грозили урезать финансирование или вовсе библиотеку закрыть.

— Что я сделаю, если нет читателей, — робко оправдывалась Аня. — Кто на селе книги читает, кроме школьников?

— Вы плохо работаете, — с непроницаемым лицом отвечал ей молодой чиновник в модной финской дубленке. — Ищите индивидуальный подход к сельскому труженику. Объясните трактористу или доярке, что книга — источник знаний.

Библиотекарша слушала и покорно молчала: другой работы всё равно не было. Но выход из положения она нашла, и весьма необычный.

Так Аня завела в библиотеке новые формуляры с фамилиями покойников. Вначале она боялась, что обман может вскрыться, но отчёты проходили нужные инстанции и на них никто не обращал внимания. Есть новые читатели и есть. Иногда Аня, осторожно проходя по кладбищу, останавливалась у могилы потустороннего абонента и весело спрашивала:

— Ну что, Валерий Иванович Карпенко, новый роман Донцовой понравился?

Ей казалось, что могильный холмик с колеблющимися на ветру останками проволочных венков глухо отвечает: «Да разве можно это читать?»

Однажды к концу рабочего дня, сидя за столом в библиотеке, Аня услышала, как тихо скрипнула входная дверь и раздались шаркающие шаги. Она привычно не подняла глаз и спросила:

— Вам какая книга нужна? У нас есть новые поступления.

Через секунду Аня подняла глаза, но перед ней никого не было, только в открытую сквозняком дверь, как ей показалось, метнулась длинная тень. Но ведь шаги она явно слышала... Более того, на полу остались чьи-то мокрые следы. Аня не испугалась и стала ждать, что будет дальше. Но в этот день ничего примечательного больше не произошло.

От безделья Аня даже сама попробовала написать книгу, но смогла только вывести чёрной авторучкой на салатовой клеёнчатой обложке общей тетради название — «Село и люди».

— Какие люди? Какое село? — невольно произнесла она. — Мужики почти все спились и вымерли от суррогатного спирта, а бабы злые, молодёжь разбежалась...

За Аней несколько дней пытался ухаживать местный парень. Он возил в село баллоны с газом. Алексей на вид был мешковат, хотя ему было всего двадцать пять лет. Он считался завидным женихом на селе: работал газовиком, зарплата по местным меркам большая, и служебным грузовиком он пользовался как личным. Начальство позволяло ему держать машину в заулке возле дома, Алексей ездил на ней и в лес, и на рыбалку, иногда калымил, была она и хорошим подспорьем в личном хозяйстве. Некоторое время он пристрастился к спиртному, но его властная мать Полина быстро пресекла слабость сына, отобрав у него пластиковую карточку, на которую начисляли зарплату.

Как-то в местном клубе Алексей пригласил Аню на танец, неуклюже обнимал. А после они смотрели польский фильм в этом же клубе, причём во время просмотра, как ей показалось, он смеялся в ненужных местах. Аня отчуждённо смотрела на его профиль в темноте зала и думала: «Зачем на таком большом лице такой маленький нос?» От бабки Елизаветы она недавно слышала, что чем крупнее у мужчины нос, тем больше его мужское достоинство. Рассуждение старухи тогда очень насмешило Аню. «Может быть, поэтому Алексей до сих пор не женат», — невольно подумала она.

Один раз она ужинала в доме Алексея. Аню поразили его властная мать, жидкая тёмная похлёбка с грибами, которую молча, как по команде, ели за столом. Полина расспрашивала гостью о родственниках, учебе в педучилище, а после, высокомерно глядя на библиотекаршу, сказала, что хотела бы для Алексея невесту из местных девушек.

Тогда Алексей отвел глаза и промолчал. Больше они с Аней не встретились.

В один из февральских дней Аня пришла в библиотеку за полчаса до открытия. Она просто спешила уйти из дома бабки Елизаветы: жить на квартире у старухи становилось нев-

моготу. Бабка постоянно заводила разговоры о повышении квартплаты, у Ани стали исчезать продукты, мелкие деньги.

В ранний час в библиотеке было душно от печного отопления. Аня привычно устроилась за своим рабочим столом и открыла какую-то книгу. Почувствовав движение в зале, она оторвала взгляд от страницы и оторопела: к её столу направлялся мужчина в сером мешковатом костюме и заснеженных домашних тапочках. Лицо у него было землистого цвета, тонкие синие губы.

— Я вам наконец книгу принёс. Три года назад брал почитать Островского, да и забыл... Вчера случайно в серванте нашёл — вспомнил.

— Вы у меня ничего не брали, — пролепетала Аня странному абоненту. — Вам не холодно из дома было в костюме идти? Зима всё-таки...

Мужчина ничего не ответил, медленно повернулся и шаркающей походкой направился к выходу, унося с собой потрёпанную книгу. Спина его показалась Ане неестественно прямой, из пиджака сзади торчали какие-то чёрные нитки, а весь костюм был испачкан землёй.

Буквально через минуту в библиотеке раздался телефонный звонок. Районный начальник перешел к делу без ненужных вступлений:

— Как вы посмели покойников в библиотеку

записывать?! — услышала Аня истеричный голос в трубке. — Как до такой мерзости додумались?! Вас впору под суд отдать!

— А что мне было делать? — упавшим голосом спросила библиотекаря. — Вы читателей требуете, а их нет...

— Приезжайте в район, пишите заявление по собственному желанию, — скомандовал начальник. — А я как-нибудь утрясу скандал.

Потом пояснил, что один из бывших жителей села, в руки которого попал Анин отчёт, нашёл в нём имя своего давно умершего родственника и ещё нескольких сельских покойников.

Собралась Аня быстро, с бабушкой Елизаветой даже не попрощалась и уже через час была на автобусной остановке. Удивительно, на душе было почему-то не горько, а радостно и впереди озорно светило яркое февральское солнце, обещая новую жизнь.

□

Андрей Вячеславович НОВИКОВ

родился в 1961 году в с. Алабузино Тверской области.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

(факультет поэзии, семинар В. Кострова).

25 лет работал журналистом.

Публиковался в журналах «Подъём», «Нева», «Сибирские огни»,

«Сура», «Байкал», «Молодая гвардия»,

«Волга XXI век», «Север», «Литературная учеба» и многих других.

Автор шести книг.

С 2015 года возглавляет региональное отделение

Союза писателей России в Липецке.

Секретарь Союза писателей России.

